

ПРОВОДКИ ОБОРВАЛИСЬ, НУ И ЧТО

Новое
Литературное
Обозрение

АНДРЕЙ ЛЕВКИН
•
ПРОВОДКИ ОБОРВАЛИСЬ,
НУ И ЧТО

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Л37

Редактор серии
Д. Ларионов

Левкин, А.

Л37 Проводки оборвались, ну и что / Андрей Левкин. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 248 с.

ISBN 978-5-4448-1907-4

Дворец Сан-Суси, бар в историческом квартале Риги, случайная песня, название которой никак не получается вспомнить... В каждой из трех частей новой книги Андрея Левкина текст рождается из наблюдений за реальностью, а затем сам становится объектом рефлексии. Прогулка по Потсдаму и Риге или интернет-серфинг по культовым рок-альбомам превращаются в последовательное отсечение «внешних» слоев реальности, попытку выявить дух места и времени. Самобытное письмо Левкина стремится к предельной точности, которая сближает его с поэзией: благодаря этому свойству его языка воображаемые и реальные пространства Европы, описанные в книге, открываются читателю в совершенно новом свете. Андрей Левкин — прозаик, редактор, журналист, лауреат премии Андрея Белого в номинации «Проза» (2001). Автор вышедших в издательстве «НЛО» книг «Счастлиловка», «Марпл», «Из Чикаго», «Вена, операционная система (Wien OS)», «Голые мозги, кафельный прилавок».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использован фрагмент работы
«Трансформация», фотограф Луи Артюр Дюко дю Орон. 1891.
Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© А. Левкин, 2023

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Сансуси inside

В здоровом уме поставить Сан-Суси в название нельзя, так что тут непреодолимые обстоятельства, непредвиденные. Мне нет дела до истории Пруссии, здесь не психогеография, не экскурсия и т. п. Может, трип. Встретившись утром 25 мая 2019-го с С. Д. на Frankfurter Tor (там прямоугольно-широко и тотально), мы — для установления баланса, что ли, — сравнили, как у кого прошла пятница 24 мая и что из этого теперь следует практически (шли гулять в сторону Кройцберга). Я вроде выспался, но сетовал на то, что, казалось бы, с утра был вполне вменяем, но взял Tageskarte на зоны А, В и С, хотя мне хватало и двух. Не так что жадность (0,7 €), но состояние, значит, было обманчиво бодрым. Да, там подъезжал S41 и сбоил автомат (на этот S я так и не успел), но — все же — ляп допущен. А она говорит, что можешь по этому билету съездить, например, в Потсдам. О! — ощутил я и днем туда поехал.

Я не очень знал, где и что такое Потсдам, так что полдня на незнакомый город (есть же там город), небольшое,

но — путешествие, длительность не так и важна. Наличие достопримечательностей в таких случаях ничего не значит (а и когда оно что-то значит). Упоминается об этом затем, чтобы подчеркнуть отсутствие ожиданий, даже намерений. Я ничего не читал об этом месте.

До Потсдама не довезли, возле него ремонтировали пути. По выходным (была суббота) тут так бывает. Доехали до Бабельсберга, оттуда эрзац-автобус до Потсдамского вокзала. Километра три примерно — прикинул, чтобы понять, сколько идти пешком, если не ждать автобус обратно, я же не знаю, как они часто. Приехал просто так, без идей. Потсдам рассматривался как конечная S7, все.

Разве что смутно знал, что там некий парк Сан-Суси, ну а если путешествие, то ходить надо всюду, значит, и туда. Потсдам как таковой можно опустить, Потсдам и Потсдам. Река, что-то реставрируется, какой-то новодел. Церковь, дома, кафе. По телефонному навигатору иду в сторону парка, сбоку — так вроде ближе. Какие-то улицы, какие-то аркады; то ли пересохший пруд, то ли кусок бывшего канала. Боковой вход в парк, нетипичная для Германии церковь, что ли, Италия какая-то. Высокая, квадратная в сечении колокольня, ажурные балкончики друг на друге, штук семь. В парке некоторый хаос, велосипедисты (немного, день ветреный, переменная облачность), затем вправо уходит аллея, там вскоре перекресток, на нем два мраморных гибрида — женщины-львицы, человеческие верхние части, голые; по гибридам ползут мраморные дети. За ними, между ними вдали видна пока еще мелкая феерия. Что-то плоско лежит на холме, вниз террасами стелются

дорожки, прямой спуск тоже есть. Как Петергоф, дворец и, где спуск к заливу, каскад. Но не фонтаны, а лестница. Дворец одноэтажный, желто-белый, окна до пола.

Вниз по горке, похоже, виноградники. Дворец небольшой, явно не предполагает массовой жизни, и вряд ли здесь жили постоянно. Слева сбоку торчит ветряк, декоративный. Небольшие размеры строения вытаскивают физиологию: вокруг пустота, деревья, небольшой дворец, людей там не так много, значит — там все лично и интимно, но и не так, что просто быт. Дворец все же. Посещали, принося на ивенты свои статусы. Функционировали как статусы, а не как люди. Сначала статусы, а там уж как пойдет. В самом ли деле тогдашние люди находили удовольствие в хождениях по парку? С какими целями или предощущениями они приезжали сюда? Или нынешние, которые тут ходят. Вот кто-то в желтой майке бегаёт вдоль рядов винограда туда и сюда, снижаясь.

Иду по аллее к дворцу, уже совсем открыточный вид, а справа на столбе-колонне чья-то темно-бордовая голова (шеи немного, а волосы развеваются в меру возможностей материала, и можно сказать, что башка). Портос практически. Кто такой, хозяин этого места? Но его вид не местный, какой-то он импортный и темно-кирпичного цвета, а здесь все белое и светло-желтое. Кто такой? Собственно, тема: ты оказался тут и что с этим делать? Что с этим будешь делать? Понятно, не испытывать удовольствия хождений по дворцовому парку, но что-то же можно сделать. Например, соотнестись с физиологией и спектром радостей лиц, это место посещавших. Конечно, когда дворец был выстроен. Сейчас не в счет, тут ротозеи и бегуны. А тогда через

дворец что-то ж включалось, раз уж возникло желание все это построить.

За башкой на столбе, в подножии холма живость в виде статуй. Круглый пруд, они вокруг него, белые-гладкие, что ли, мраморные. Преимущественно голые. Очень гладкие и чистенькие. Мраморные, в самом деле. Окружают точку, которую сделал водоем. Не точка, а будто дыра, из которой они вылезли и теперь демонстрируют мифологические эпизоды: нагая дама исследует щит, который то ли уже сделал, то ли доделывает гладкий и белый полуголый работник. Другая бело-голая дама почти забралась на, что ли, земляпашца, белого и голого; мраморный плуг, красиво. Третья дама (те же параметры) что-то объясняет, жестикулируя, павлину, приобняв его свободной рукой. Дамы так схожи, что может быть одна и та же. Дырка, точка, выкатывается прозрачный шарик.

На холме виноградник, террасами. К дворцу идет широкая лестница, подниматься/спускаться можно и вдоль рядов винограда. Людей мало. Тот, кто по ним бегаёт (справа налево, слева направо), теперь снижается, лимонно-желтые штаны. Дворец облеплен полускульптурами; объёмные, но срезанные стеной барельефы. Крупные, под крышей. Все они косматые, отчасти в грязи — видимо, вода сверху, — самые разнообразные, по двое, по четверо. Уже не мифологические взаимодействия, но энтузиазм и разгул, попарные чувства. Некие смутно различимые атрибуты: чаши, еще что-то такое. Если это вакханки и вакхи, то этот черный налет выходит охватывающим, охватившим их похмельем. Внутри происходило разное,

произошло и рассосалось, а этих выдавил наружу утренний петух. Осадком.

Их много, статуй, но обнаружится, что это еще мало. Парк оказался большим, статуи кое-где стоят и в нем, но дальше — на его краю, километра через два, по дороге уже просто лес смешанных пород — еще один дворец. Громадный, там, наверное, даже и жили. Темно-красный с белым, а сразу за ним, в комплекте, — высокая арка, по сторонам которой — через симметричные колоннады — еще два корпуса. Все сплошь в статуях, на темно-красном дворце они и снизу, и на стенах, и сверху, и сбоку. Не белые, темнее и грубее, их очень много. Ровные длинные ряды вдоль всего ровного прямоугольного темно-красного с белым корпуса. Внизу, посередине. Вдоль крыши стоят как демонстративные снайперы.

Тут бы могла возникнуть инерция: такой дворец, сякой, арка, колоннады, дорожки, что да как, откуда взялись и с какой целью. Построил тогда-то, потому-то кто-то. Архитектурный стиль (прусское барокко, если красный дворец), в чем нюансы, самый крупный в Германии, с чего срисовали. Сопутствующие события, персонажи. Не путеводитель, но просветительски-ознакомительное с элементами лирики. Но, раз это отмечено, такого нарратива не будет. Да и статуи своей массой не дают улечься в последовательность, сбивают. Тогда — раз уж начались эти слова — тут может быть какой-нибудь проект. Не описание места, а разрозненные кучки, из которых что-нибудь можно составить. Предпроектная разработка, что ли. И эту тему включили статуи.

Можно сделать оболочку, например — персонажа, тогда функционировавшего (персонажи не живут). Вот он, вот дорожки и статуи во время, когда все было новым. Могло ли у него, у них всех быть локально-историческое чувство или тогдашний общий орган (внешний), который делал им наслаждение — теперь забытое, неведомое. Бродили по аллеям, а эти истуканы повсюду; в какой мере те обеспечивали им день, сгущая их смутные намерения (у всякого всегда есть смутные намерения) во что-либо определенное, как в них это разворачивалось и срабатывало. Но раз уж о них подумал, то статуи влияют и по сей день: у меня не было цели о них думать, я просто так приехал. Допустим, чувство, которое возникало у тогдашних людей, является теперь... не ощутить. Можно назвать его хоть Ssysi, но от этого оно в организм не войдет. Но все же факт его наличия зафиксирован и можно попробовать сделать его осязаемым.

Например, считаем, что все вокруг становится приложениями (в смысле — apps). Автор делает рамку, внутри которой с юзером может происходить то да се, отчасти — но не полностью — контролируемое автором. Связи, движения, ощущения, что угодно. Не все на свете, а что активно в рамке. Они делают почти осязаемую оболочку, в которой есть еще и невидимая кракозябра: завелась внутри оболочки и ее оживляет, взаимодействуя с юзером, тот о ней и не знает. Это всегда так, но сейчас оболочки стали краткосрочнее, они более частные, у приложений локально-отдельное существование. Они не обязаны встраиваться в общий ряд, держат свое при себе. Приложению для парковки нет дела до арр'а, который считает количество пройденных шагов.

А у меня тут не прагматика, поэтому сначала можно сделать приложение, а уж его к чему-нибудь приспособить.

Самому юзеру кракозябра-загогулина не нужна, она для того, чтобы оживлять оболочку, которую и достаточно выдать, чтобы оказался внутри и там с ним что-то происходит, если он так-сяк соотнесся. Я оказался в Сан-Суси, в приложении Ssysi. Оно здесь со всех сторон, нет ничего постороннего — даже передвижного кофе или будок с со-сисками. В посетителе есть опция, которая обеспечивает ему возможность участвовать в чем-то в этом, иначе бы сюда не ходили. Только эта оболочка пока не наладилась, предъявлена еще недостаточно.

Дорожки, статуи, фонтан (не включен), строения, куда тут вживаться. Дорожки, статуи и прочее — шаблон, который тогда был действующим, влиял. Иначе бы расставили что-нибудь другое и иначе. То есть предполагалось, что это будет влиять. Воспитывались, чтобы испытывать это влияние. Уроки танцев и манер, чем следует наслаждаться, а что отвергнуть. Оболочку можно восстановить, частично позаимствовать, но тогда требуются детали. Например, как были произведены эти толпы статуй? Вокруг пруда (и чуть поодаль) они белые, очень гладкие, явно мраморные. Два-три типа на всех, будто сделаны по трехмерным лекалам. Дамы, во всяком случае, похожи, будто отлили в одну и ту же форму, а потом налепили разные атрибуты. Что они как бы античность, это был такой консенсус. Как могли влиять на всех подряд эти выпуклые персонажи, а зачем они, если не влияют? Ставили же, дело хлопотное. Те, что на стенах дворца, серо-черные от потеков, не знаю, из чего

сделаны. Гладкие, но не белые. Промежуток между мрамором и песчаником. Если бы возле пруда были из фарфора, то эти из фаянса.

На темно-красном дворце и там, где Триумфальные ворота с колоннадой и двумя зданиями, их больше, много больше. Они разнообразнее, но грубее. Иногда белые, но в основном темно-серые (может, не очищенные, иногда рядом стоят белое и темно-серое). Другой материал, они, что ли, как из бетона; песчаник, что ли. Грубее — черты лиц, складки одежды. Поскольку их много, то определенная топорность может быть связана не только с материалом, но с массовым производством. Был бы бетон, тогда бы разливали по стандартным формам (там много, очень много статуй), но какой тогда бетон, а песчаник тоже могли рационализировать.

Может, были манекены с сочленениями, которые изгибали так и сяк. Вряд ли ставили натурщиц на каждый отдельный сюжет, а может, ставили — время тогда было медленнее (?). Но у скульпторов точно была специализация. Один отвечал за руки, другой за головы, за драпировки. Могли делать потоком, по отдельности, а потом склеивали. Головы ваяли не меньше троих, судя по манере. А голые груди одинаковы и тут, и там: весьма правильные конусы; больше обозначение чем факт.

Тут разнообразнее по типам, натурщиц женских статуй — если были натурщицы — не меньше дюжины, сюжеты те же, что у желто-белого дворца. Та же мифология, просто ее больше, но и тут дама рассматривает щит, в ином пластическом решении. У другой дамы пальцы прорастают в ветки и листья — понятно, кто это. Однако ж для

нее не сваяли угрозу, стоит одна, превращается в куст, ну и все. Спокойно стоит, разглядывает уже бывшие пальцы. Утверждались ли эскизы и был ли последующий контроль? Или задавали сюжет, а скульптор ваял, как понимает? Белые, мраморные статуи вокруг пруда явно штучные. Их, похоже, завезли. На стенах желто-белого дворца скорее местные — надо было вписать в здание. На красном дворце и рядом — явно здешнее. Где-то здесь была фабрика по производству этих чучел. И грохотала, а то. Может, в Потсдаме была.

Что до влияния статуй на людей — не сейчас, тогда, — вот бы социологический опрос, а еще бы и по сословиям. Но какая тогда статистика о том, кто как к чему относится и что на него влияет. Что доставляет вам удовольствие, в XVIII веке. Не общими словами — карьера, семья, служение патрону, даже и не ситуационно, а такой-то запах в такое-то утро там-то (кофе, круассаны, мелкий дождь за окном). Как вы относитесь к Генделю, в каких обстоятельствах это проявляется: время года, наличие/отсутствие оптимизма. Почему именно Сан-Суси. Здесь конкретно, пришел сюда, оказался именно тут, и что? Они здесь жили и что-то чувствовали. Видели статую — что-то ощущали. Даму и павлина, например. Вообще, тема статуй возникает нечасто. У Блока, например, есть фигура на Зимнем («И в небе сером осенние светы / Одели Зимний дворец царя, / И латник в черном / Не даст ответа, / Пока не застигнет его заря...»). Так что эти истуканы функционируют, что-то возбуждают. В определенном состоянии глядящего, по крайней мере.